

“В искусстве нужно говорить о реальном”

В Ночь музеев в Доме Актера состоялся документальный проект «Около театра».

Наш корреспондент Инна Афанасьева побеседовала с его режиссером

- Дмитрием Зиминим.

— Расскажи, как к тебе пришла эта идея?

— Предложили сделать документальный спектакль на Ночь музеев, отталкиваясь от пространств Дома Актера. И меня привлекла «артистическая». Это же гримерка. С одной стороны такой узнаваемый театральный момент. И в тоже время сейчас гримерки в театре практически не используются, устарели... Как сам театр. Он вроде бы нужен, а вроде... стоит...

И я решил собирать истории людей, которые работают в театре. Сначала хотел разговаривать только с артистами. Меня давно привлекает тема понимания театра

актерами из разных коллективов. У всех же оно совершенно разное: у «Коляда-театра» - одно, у драмы - другое... Но с артистами как-то не получилось. Зато однажды я взял интервью у нашего костюмера Лиды. Она очень светлый человек с трогательным, простым отношением к театру. На фоне стандартных, анкетных вопросов она раскрыла какие-то свои болевые точки. Об одиночестве говорила, просто о жизни. Потом она уволилась и сложилась целая история: как она сначала искала работу, как работала, как ей пришлось уйти. Мне очень понравилось это первое интервью.

Наверное, спектакль интересно посмотреть театральным зрителям, чтобы увидеть театр с другой стороны. Не со стороны рекламных плакатов. Но эти истории касаются не только театра. Они и об отношении к жизни в целом...

— Каждый простой человек может стать героем такого документального театра, какого-то произведения?

— Не знаю. Были истории, мне не интересные. Я не всё включил. Не все люди раскрываются. Наверное, героем может стать только открытый и честный человек. Или нечестность можно использовать. Композицию построить так, чтобы она стала контрапунктом, и понять, почему человек нечестен.

Это у меня первый документальный проект. Я не знаю, как это делается. Не был ни на каких

семинарах. Но мне было интересно просто поговорить с людьми. Были моменты, которые заставляли задуматься. Какие-то жизненные мелочи... Та же Лида, которая ушла из театра. Не стала приспосабливаться к начальству. Я бы, наверное, так не смог.

— Есть ли разница между работой над литературным текстом и подобным документальным материалом?

— Конечно. В готовом тексте первичен разбор. А здесь - наоборот. Из интервью нужно сделать историю. Они же в устном разговоре много воды льют. А нужно выделить главное. У каждого героя своя тема. Например, Лида - о прощении, Катя, драматург, - о том, что в искусстве нужно говорить о реальном. У Игоря, директора, идея театра как продукта. Мне помогли документальные фильмы.

— Чем?

— Понятием монтажа. Отдельно бы эти истории не прозвучали. Они интересны в соединении, когда одна на фоне другой усиливается.

— А в работе актеров над документальным текстом были какие-то особенности?

— У нас не было момента копирования. Мы делали внутренний мир. Например, Вера, уборщица, с виду одна, а внутри совсем другая. Хочет стать актрисой. И я ставил задачу перед своей артисткой сделать человека, мечтающего стать актрисой. А внешнее сходство было неважно.

— Мне кажется, работа над этим проектом настоящее театральное исследование? Ты пришел к каким-то выводам?

— На вопрос: «что вас потрясло в театре» никто напрямую не отвечает. Есть в этом закономерность. Такая тема усталости... Может быть, это признак провинциального театра. Мы, артисты, режиссеры, стремимся к какой-то духовности. Иногда

можем чересчур парить в облаках. Подсознательно возвеличиваем значение театра. А эти простые люди, работающие в театрах, очень трезво смотрят. Через них можно посмотреть на сегодняшнюю обстановку в театре. Они как лакмусовая бумажка. Мы, говоря о возвышенном, можем не видеть сегодняшнего дня. А современный театр, как современное искусство, должно говорить о сегодняшнем дне.

Мне очень понравилось, как сказала Катя: «Вы, актеры, все помешанные на своем театре! А жизнь - реальна! И говорить нужно о реальных вещах».

Еще меня удивило, что все эти люди продолжают работать в театре. Все говорят, что тяжело, что зарплата небольшая. А все равно - работают.

— Ты понял почему?

— Видимо, все-таки это место - густок какой-то духовности...

— Но, тем не менее, ты завершаешь спектакль именно историей монтировщика? А у него такой прагматичный взгляд...

— Да, это моя позиция. Сейчас очень распространено отношение к творчеству как к ремеслу, как к конвейеру. К тому же эта история про актерское смирение. Смирение как момент усталости и нежелания что-либо делать.

У нас в Екатеринбурге все так спокойно. Ровно выходят спектакли, рецензии. Кто-то хвалит. Кто-то ругает... И не хватает потрясений! Потрясение ведь не обязательно должно быть от какого-то гениального спектакля... Просто нет желания делать эксперименты. В Питере, например, все не заканчивается репетициями.

Актеры постоянно устраивают какие-то квартирники, проекты...

А у нас, если прямо говорить, не хватает театральной движухи. И нет этой потребности.

Мне вот плохо, когда нет движухи. Поэтому я этим летом решил заняться ландшафтным театром.

— Может, расскажешь?

— Да нечего пока рассказывать. У меня всегда идея как мечта. Мне очень нравится придумывать, а в процессе что-то не получается, и я сдуваюсь. Я и от проекта в Доме Актера хотел отказываться, думал, что это неинтересно. Друзья говорят, что Зимин придумал новый жанр: «спектакли-невидимки». Так что передо мной сейчас еще такая внутренняя задача, полностью проходить путь от задумки к воплощению.

Рыжий навсегда

Низкий дом, деревянный, - музей «Литературной жизни Урала XX века». Значимое для Бориса Рыжего место.

Вся стена в цитатах. По центру: «...Книга - как кусок жизни - то, что отламывается от смерти. Ю. Каразин»

Заведующая музеем стоит перед надписью. Всем желающим пройти в зал говорит:

- Пускаем только как, Александр (Вахов, режиссер - прим. авт.) даст отмашку.

За три минуты до начала театрального перформанса, у дверей тайной комнаты Вахов говорит:

- Мне очень приятно участвовать в фестивале «Браво». Это очень ответственный для нас спектакль, но все бодры духом. Приятного просмотра!

Театральный перформанс «Рыжий» решил поставить актер «Коляда-Театра» и с недавних пор режиссер Александр Вахов - это его второй спектакль. На премьеру неожиданно пришли родственники поэта. За спектакль были благодарны.

О чем спектакль? В тайной комнате на импровизированной сцене в осенней листве от начала и до конца

читает стихи Борис Рыжий. Под дерзкую скрипку. И песни-жесты. Его строчки - марши. Советского Союза. Америки. Марши перемен. Вокруг везде - город Екатеринбург. На стене слева, справа, прямо и под шуршащей листвою.

Рыжий, актер Антон Макушин, кидает шапку. Падает на колени. Клянется в любви России. И мечтает о «лего» для сына из Голландии. Его тени - трое людей в черном - часто молчат, и без движения. А потом раз! И «поют» руками и телом.

Да, Рыжий, совсем не рыжий - у него волосы темные. Нутро у него рыжее. Дерзкое. Беспокойное. Свободолюбивое. Поэтическое.

Регулярно спектакль шел осенью. Случайные зрители выходят в слезах. Вчера все зрители тайной комнаты тяжело дышали - не дышали, дрожали - не дрожали. Плакали - и редко громко хохотали.

И увидели все, как любовь победила смерть.

P.S. Во время написания рецензии автор узнал о смерти кинорежиссёра Алексея Балабанова.

Пусть Земля Ему будет пухом!

*Текст - Вера Воробьева
Фото - Елена Тецевич*

Как Борис Рыжий стал известен массам и почему «нутро» - это главное. Рассуждает режиссер Александр Вахов

На свежевыкрашенных бело-черных скамейках в дворике музея «Литературная жизнь Урала XX века» говорим с режиссером театрального перформанса «Рыжий» и актером «Коляды-театра» Александром Ваховым.

— Что такое для Вас театр?

— Театр - это посмеяться и поплакать.

— А что Вы больше любите?

— Сначала посмеяться. Потом - поплакать.

— Как получилось, что Вы поставили театральный перформанс «Рыжий»?

— Мы этот спектакль задумывали в рамках Уральской индустриальной Биеннале современного искусства, которая прошла осенью. Мы там показывали 10 спектаклей, и после первого билеты у нас были раскуплены сразу на все 10. И в зале на 34 места обычно было человек 50. Сидели друг на дружке, теснились около звукорежиссера, - это был невероятный лом. Слух пошел, сарафанное радио сработало, это было очень приятно!

Бориса Рыжего кроме корифеев и нашей тусовки никто не знает. Наша задача: познакомить массового зрителя с творчеством Бориса Рыжего, нашего уральского поэта. Когда мы все запускали, я сомневался: пойдут ли люди. Тема довольно своеобразная, не каждому она близка.

— Кто Ваш зритель?

— Как ни странно, он самый разный. Я, честно говоря, рассчитывал на молодежь, но, как показала практика, очень много людей, которые постарше. Мы не рассчитывали, что будет массовый пробив на слёзы. Это вообще не стояло задачей, чтобы все заплакали. Зачем. Почему-то все плачут. Самое интересное, что плачут ещё и мужчины. Это тоже о чем-то говорит, мне кажется.

— А как Вы сами воспринимаете Ваш спектакль?

— Мне больше всего нравится, что он сделан из ничего.

— Это как у Вашего учителя, Николая Коляды?

— Ну, примерно. Тут нет ни света, ни каких-то особых декораций. Ничего нет. Есть четыре белые стены. Хорошо, что там еще видеопроекция, - комната нам помогла. Но, самое интересное, что в этой комнате нет Интернета. Мы только модемом пользуемся.

— Как выбирали актеров?

— Я знал, что Антон Макушин будет Рыжим. И какая к черту разница: похож он, не похож на Бориса Рыжего. Нутро очень похоже. Очень похоже нутро. Этого достаточно. Мне кажется, он смог передать то, что я хотел. А внешние данные вообще не имеют значения. Ребят из «Театра на ладони» я давно хотел задействовать (актеры «Театра на ладони» - слабослышащие, которые «играют» жестами). Это тени умерших корешей, которые его преследуют. Друзья детства, условно говоря. Кто скололся, кто под забором замерз.

— Вы похожи на Бориса Рыжего?

— Ну, мне кажется, чем-то да. Но, мне кажется, он был довольно отчаянный человек... Он жил, как все поэты, но, тем не менее, он очень сильно выделяется. Как сказал Коляда о стихах Рыжего: это как кожа, отдернутая с тела. И я с ним согласен.

— А какова Ваша роль в перформансе «Рыжий», роль режиссера?

— Режиссер - это такой папа. Он бывает разный: бывает добрый, бывает злой, бывает строгий. Это такой папа, который направляет своих детей в нужную сторону. Хорошим

актерам вообще не надо ничего объяснять.

— А как Вы работали с Антоном Макушиным?

— Очень просто. Я дал ему текст, и мы просто расставили акценты. Он сам все сделает, его только подтолкни в нужную сторону. И все. Одно удовольствие работать. Антон - один из моих любимых актеров. В нашем театре [Коляда-театре-авт.] очень много хороших актеров.

— Давайте вернёмся к тому, с чего начинали: как он, Ваш театр?

— Театр прежде всего актерский. Можно все делать, и все уже было...

— Вы бы хотели что-нибудь ещё добавить?

— Спасибо, «Браво»!

Вера Воробьева

Жад выпуском работали: Сабрина Карабаева, Инна Афанасьева, Вера Воробьева, Евгения Плясунова, Вероника Фризен, Анна Завьялова.

Фото из архива Театра драмы г. Каменска-Уральского, личного архива Дмитрия Зимины и Александра Вахова.

Фестивальная газета
Выпуск 2

“Браво!” - 2012

19 мая 2013

Екатеринбург

«Бесприданница» - это так по-русски

Театр драмы г. Каменска-Уральского привез на «Браво!»-2012 «Бесприданницу». Спектакль по пьесе А. Н. Островского прошел вчера в Свердловском театре драмы.

На сцене - только белые декорации. Канаты-волны, сверкающие столы и стульчики кофейни... На общем фоне выделяется только грациозный потертый контрабас. Предметы настраивают на будущую лаконичность и простоту действия. Вместе с этим белый цвет выделяет каждое сценическое действие, каждое движение актера. Главная героиня Лариса Дмитриевна (Инга Матис) не может побороть давнюю любовь к «блестящему барину» Сергею Сергеевичу Паратову (Вячеслав Соловichenko). Год назад Паратов ушел по-английски, и теперь Ларису добивается сонм влиятельных

и богатых мужчин. Лариса выбирает не богатого чиновника Карандышева (Иван Шмаков) в надежде бежать с ним от города и от себя. Но возвращается Паратов, да еще и не один, а с артистом Счастливым по прозвищу Робинзон (Владимир Скрябин).

Вот здесь-то действие начинает набирать обороты! Московский режиссер Артемий Николаев последовательно раскрывает характер каждого героя. Жених Ларисы ущемлен своим положением - он небогат и берет в жены бесприданницу, которая к тому же не любит его. Мокий Парменыч (Геннадий Ильин) женат, но, кажется, готов пойти на все ради Ларисы.

Главный плюс постановки - это неоднозначность героев. Каждый мужчина-герой закован в цепи своего положения, будь то данное «слово купца», потенциальная жена или жена насущная.

На Ларисе тоже цепи - в виде пиджаков, которые накидывают на нее герои. Они вовсе не хотят укрыть ее от невзгод, скорее побороть свободный нрав. Инга Матис создала потрясающе сильную героиню, которая «искала любви, но не нашла». Конечно, были

и другие мнения. «Нужно думать головой, не поддаваясь эмоциям», - говорит о Ларисе после спектакля одна из зрительниц.

Динамичный второй акт обнажает героев через метафоры. Лариса - прекрасный контрабас, на котором видны застарелые царапины. Может быть она - это и белоснежная ваза с цветами, из которой Робинзон выливает воду и наполняет коньяком. Позднее вазу, конечно, «выпивают».

История несчастной любви оборачивается притчей о самолюбии. «Неужели нельзя любить других?» - восклицает Лариса.

Видимо, нельзя. Собственные интересы и чужое мнение становятся дороже любых принципов, даже дороже жизни. Поэтому самоотречение Ларисы - подвиг, который выглядит так по-русски.

Сабрина Карабаева